

Глава 19

Через десять с небольшим минут, ещё до возвращения группы Линь Гошэна, к дому подъехала машина из санатория с медсёстрами. Линь Цзинли всё подготовил заранее, включая соглашение о разводе.

Если бы Чжао Шихань решила подписать соглашение, Линь Цзинли передал бы ей всё своё личное имущество, за исключением акций компании. После этого она могла бы вернуться в семью Чжао или найти себе другое жильё.

— Мама... она правда больна? — спросил Линь Хань, вновь появившись в гостиной, когда все уехали, забрав с собой и Чжао Шихань.

Линь Цзинли кивнул и с удивлением посмотрел на сына.

— Ты что, думал, я могу просто так взять и отправить человека в санаторий? Нормальные заведения не принимают здоровых людей, это противозаконно.

Линь Хань холодно взглянул на него. На самом деле, он именно так и думал. Судя по тому, каким он знал своего отца, он вполне мог представить, что тот способен отправить здорового человека в санаторий под домашний арест.

Словно прочитав его мысли, Линь Цзинли шлёпнул его по голове журналом и направился к выходу.

— Эй, ты куда? — крикнул Линь Хань ему в спину.

— Пойду посмотрю, — донёсся издали его голос.

Посмотрю, не собираются ли старик со старухой ночевать вне дома вместе с внуком. Так поздно, а их всё нет!

Линь Цзинли простоял у ворот минут пять или шесть, когда Линь Хань, медленно волоча ноги, поравнялся с ним.

В последних лучах заходящего солнца силуэты отца и сына выглядели мрачно и были окутаны нерассеиваемой аурой одиночества.

Тишину нарушил звук приближающегося автомобильного двигателя. Уши Линь Ханя дёрнулись. Он увидел, как знакомая машина остановилась у ворот. Линь Гошэн, выглянув из открытого окна, удивлённо спросил:

— Что вы тут вдвоём у ворот делаете?

Линь Хань, косясь в салон автомобиля, ответил:

— Папа отправил маму в санаторий на лечение. Я вышел её проводить.

Услышав это, Линь Гошэн, который, очевидно, был в курсе состояния Чжао Шихань, лишь на мгновение замер, а затем сменил тему. Увидев, как сидевший рядом Фэйфэй радостно машет ручкой брату и дяде, он открыл дверь, вынул малыша из машины, а затем вышел сам вместе с Ян Юйин.

— Раз уж мы здесь встретились, пройдемся остаток пути пешком. Как раз после ужина прогуляемся.

Сказав это, он жестом велел водителю заезжать.

— Так вы ужинали в доме Чу? Повар у них, должно быть, получше нашего, — Линь Цзинли принял Фэйфэя из рук Линь Гошэна и, усадив малыша к себе на руку, спросил: — Фэйфэй, что ты ел вечером? Если тебе что-то понравилось, дядя в следующий раз попросит повара приготовить.

Линь Гошэну показалось, что в голосе старшего сына прозвучали какие-то язвительные нотки. Что такое? Теперь его тяга к контролю распространяется и на то, где его старик ужинает?

Взрослые страсти, кипевшие под поверхностью, очевидно, не затронули малыша. Впрочем, не напусти — он бы и не вспомнил. Но стоило заговорить о еде, как во рту снова появилось то самое жгучее ощущение.

Малыш потёр губы и серьёзно сказал дяде:

— Не надо острого. От острого у Фэйфэя ротик болит.

Даже до слёз больно. Этот опыт надолго отбил у малыша охоту к острой пище.

Линь Цзинли, услышав это, вспомнил о пристрастии господина Чу к острому и всё понял. Вот так-то. Только набив шишки, ребёнок начинает ценить домашний уют.

— Только что звонил твой папа, — ласково сказал Линь Цзинли. — Сказал, что когда вернётся, привезёт тебе пирожные и торт от дяди Ли. У Фэйфэя сегодня ротик болел от острого, нужно съесть что-нибудь сладенькое.

Глаза Фэйфэя тут же засияли, и его маленькие ножки, болтавшиеся в воздухе, от радости замотались сами по себе.

Если у ребёнка от острого дискомфорта, конечно, нужно это компенсировать чем-нибудь сладким.

Даже сегодня, после изысков поваров семей Линь и Чу, еда, приготовленная Ли Сюем, особенно торты и пирожные, занимала в сердце малыша непоколебимое место.

До встречи с Фэйфэем Линь Хань думал, что как следует заплачет, обняв малыша. У него были на то все причины: родная мать хотела его убить, а отец, узнав об этом, отправил её в санаторий. С таким горем как не разрыдаться?

Но когда он увидел малыша, услышал его по-детски наивный разговор с Линь Цзинли и дошёл до порога дома, его сердце вдруг успокоилось.

До этого он казался спокойным и рассудительным, но это было лишь затишье перед бурей, под гладью которого зрел чудовищный шторм.

Но сейчас он действительно обрёл покой.

Он принёс два стула: один для крохотного комочка, который, подперев подбородок, сидел на корточках у двери в ожидании отца, и второй для себя.

Братя, большой и маленький, сидели на стульях в одинаковой позе, подперев подбородки.

— Братик, а на уроках интересно? — вдруг спросил малыш. Он, очевидно, вспомнил слова Чу Сяоханя о том, что тот каждый день занимается.

Линь Хань покачал головой с лёгким отвращением.

— Неинтересно.

— А играть там весело? — снова спросил малыш.

— Невесело. — Если бы отец разрешил ему сейчас пойти в университет, вот это было бы интересно.

Фэйфэй растерялся. Если там неинтересно и невесело, то зачем вообще ходить на уроки? На его пухлом личике отразилось полное недоумение.

Объяснить такому крохе, зачем нужны уроки, было непросто.

В конце концов, Линь Хань сказал:

— Это всё не имеет значения для Фэйфэя. Главное, чтобы Фэйфэй был счастлив каждый день. Уроки — это неважно.

Это были его искренние слова. Когда малыш вырастет, если ему не захочется учиться, он может и не учиться. В конце концов, у него есть он, Линь Хань, он сможет позаботиться о Фэйфэе. Главное, чтобы Фэйфэй был счастлив и радостно смеялся, а остальное он возьмёт на себя.

Фэйфэй, надув свои младенческие щёчки, мило улыбнулся Линь Ханю.

— Хорошо, братик, Фэйфэй понял.

Значит, уроки не важны. Наверное, братику Сяоханю это просто нравится. Как Фэйфэю нравится клубничный торт.

Сегодня Линь Сынянь возвращался позже обычного. Пока Фэйфэй сидел на стульчике и ждал папу с тортиком, Линь Сынянь был на совещании в компании.

В конференц-зале на верхнем этаже здания «Звёздных развлечений» шло совещание, посвящённое Линь Сыняню. Присутствовали: сам Линь Сынянь, его менеджер Ли Суй, нынешний генеральный директор «Звёздных развлечений» Се Юянь и представитель от акционеров.

Также в зале находились несколько юристов из юридического отдела компании, которые в последнее время занимались делом фанатки Линь Сыняня.

Атмосфера в конференц-зале была напряжённой. Линь Сынянь сидел, скрестив руки на груди и откинувшись на спинку стула. Все присутствующие знали, что эта поза означает отказ от общения.

Наконец, представитель акционеров, выглядевший довольно молодо, начал первым:

— Совет директоров считает, что Сыняню лучше замять это дело. В конце концов, инцидент оказал крайне негативное влияние на его фан-базу и, как следствие, на компанию. Если мы продолжим настаивать, совет опасается, что радикально настроенные фанаты снова устроят беспорядки.

Линь Сынянь был непреклонен и не собирался ни разговаривать, ни идти на уступки. Но Ли

Сюй, как его менеджер, должен был высказать их позицию:

— В конечном счёте, Сынянь в этой истории — жертва. Законы страны С дают ему право на судебное преследование.

Подразумевалось: вам-то что, лишь бы деньги не терять, а то, что дело набирает обороты, вас не волнует.

— Закон есть закон, но... — тот человек не сдавался и хотел продолжить.

Но его прервал Линь Сынянь, который резко встал. На его красивом, почти дьявольском лице читались усталость и раздражение. Впервые за всё совещание он заговорил:

— Говорить не о чем. Я доведу это дело до конца. Я найму лучших адвокатов и посажу её на максимально возможный срок.

Представитель акционеров растерянно открыл рот. Теоретически, всё было так, но Линь Сынянь — не обычная жертва, он — публичная фигура, а обвиняемая — его ярая фанатка. Такое упорство может вызвать у других его поклонников чувство солидарности.

Но Линь Сыняню было всё равно. Он был из тех, кто платит той же монетой и живёт по принципу «за то, что нравится, никаких денег не жалко».

Поэтому для него это совещание, созванное компанией, чтобы убедить его отозвать иск, было пустой тратой времени. Он принял решение, и никакой совет директоров не мог его поколебать.

Видя непреклонность Линь Сыняня, представитель акционеров помрачнел. Но он понимал, что Линь Сынянь — не обычный артист. За ним стояли серьёзные люди, и ему были не страшны многомиллионные штрафы за разрыв контракта. Если его довести, второй молодой господин семьи Линь просто уйдёт, и в проигрыше останется компания.

Поэтому, хоть он и был в ярости от того, что Линь Сынянь так демонстративно его проигнорировал, он сдержался.

После того как Линь Сынянь покинул конференц-зал и компанию, на официальной странице «Звёздных развлечений» в социальной сети появилось сообщение о том, что Линь Сынянь не отзывает иск и передаёт дело в Трибунал.

Это был первый раз, когда Линь Сынянь и «Звёздные развлечения» публично заявили о своей позиции по этому делу.

А именно: никакого отзыва иска, никакого прощения, дело будет доведено до конца.

Фанаты Линь Сыняня взорвались.

<http://bllate.org/book/13654/1585120>